

ПРОСТО О СЛОЖНОМ

КАНТ

ЗА 90 МИНУТ

ВСЯ МИРОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ЗА 90 МИНУТ!

УДК 1(091) (430)
ББК 87.3 (4 Гем)
С84

Оформление
дизайн-студия «Дикобраз»
Все права защищены
Авторизованный перевод с издания
Paul Strathern
Kant in 90 minutes
Перевод с английского
С. Зубкова

Подписано в печать 8.12.03. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «Ньютон». Бумага газетная. Усл. печ. л. 5,0.
Тираж 5000 экз. Заказ № 115.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002

Стретерн П.

С84 Кант за 90 минут / П. Стретерн; Пер. с англ.
С. Зубкова. — М.: 000 «Издательство Астрель»: 000
«Издательство АСТ», 2004. — 88, [8] с. — (Философы за
90 минут).

ISBN 5-17-021813-3(000 «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-07714-4(000 «Издательство Астрель»)

ISBN 1-56663-123-8 (англ.)

В книге дается краткий обзор жизни и идей Канта, которые и ныне созвучны современности. «Звездное небо над головой и моральный закон внутри нас» по-прежнему наполняют нас восторгом и трепетом, а вопрос «как возможно человеческое познание?» все так же актуален. Читатель найдет выдержки из «Критики чистого разума», даты важнейших событий в жизни Канта и истории его эпохи.

УДК 1(091) (430)
ББК87.3(4Гем)

Содержание

Введение	5
Жизнь и труды Канта	7
Диалог о Канте и метафизике	47
Из произведений Канта	59
Важные даты в философии	75
Хронология жизни Канта	81
Эпоха Канта	83
Об авторе	85
Именной указатель	87

ISBN 5-17-021813-3
(000 «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-07714-4
(000 «Издательство Астрель»)
ISBN 1-56663-123-8 (англ.)

© Стретерн П., 1996
© 000 «Издательство Астрель», 2004

Введение

Если что-то сделать невозможно, это не значит, что никто не попытается этого сделать. Кант не просто попытался — он преуспел в достижении невозможного. После разрушения Юмом философии и крушения всякой возможности создания метафизики Кант создал грандиозную метафизическую систему. Он стремился опровергнуть Юма, но, к счастью, читал только его «Исследование о человеческом разуме», а не его насквозь пронизанный скептицизмом ранний «Трактат о человеческой природе». Если бы Кант

прочитал последний, он, возможно, не создал бы своей системы. Это было бы большим горем для целого поколения профессоров немецкой классической философии, которые остались бы без работы.

Система Канта подобна ньютоновской идее гравитации. Это не последнее слово в философии, но наши сегодняшние представления о мире во многом ей созвучны. Вы не слишком сильно ошибетесь, если будете смотреть на мир с кантовской точки зрения. Философия Юма в основе своей проще: она сводит наше философское познание к бесплодному солипсизму. Кант же воздвиг на зыбком песке ошибок прекрасный замок, столь вдохновенный и сложный, что на знакомство с ним вы без сожаления можете потратить весь ваш отпуск.

Трудно говорить о жизни Канта. У него на самом деле ее и не было (помимо духовной). Ничего в действительности интересного с ним не случилось. Но само описание его внешне однообразной жизни вряд ли покажется скучным.

Жизнь и труды Канта

Иммануил Кант родился 22 апреля 1724 года в городе Кенигсберге, расположенном на берегу Балтийского моря (в настоящее время Калининград). В то время город был столицей германской провинции Восточная Пруссия. Предки Канта эмигрировали из Шотландии в предыдущем веке, и вполне возможно, являются родственниками печально известного шотландского проповедника XVII века Эндрю Канта, от имени которого образован глагол, который на сленге означает «неискренне говорить о религиозных и

моральных принципах». Эта семейная черта на зло всему проявилась и в философе.

Ко времени рождения Канта Восточная Пруссия уже возрождалась после опустошения, вызванного войной и эпидемией чумы, сократившими население провинции более чем наполовину. Кант воспитывался в атмосфере набожной бедности. Он был четвертым ребенком в семье, в которой выросло четверо сестер и еще один брат. Отец Канта, родом из Шотландии, был нарезчиком кожаных ремней, о котором в шутку говорили, что он «никогда не сможет сводить концы с концами», как на работе, так и дома. Кант всегда с уважением относился к своему милому, но небогатому отцу и ребенком наслаждался, наблюдая за тем, как он ловко нарезает полосы кожи для портупей. По наблюдению философа и психолога Бен-Ами Шарфштайна, тот факт, что отец Канта был левшой, объясняет «поразительную неуклюжесть рук Канта».

В этом дело или нет и что все-таки это объясняет, не столь важно. Основное влияние на него в ранние годы, без всякого сомнения, оказала мать. Госпожа Кант была совершенно необразо-

ванной немецкой женщиной, обладавшей, по словам окружающих, «врожденной мудростью». Именно эта ее черта сильнее всего повлияла на сына Иммануила, или Манельхен, как она его называла («маленький Манни»). Мать брала его с собой на прогулки за город, рассказывала о том, какие бывают цветы и травы. Ночью она показывала ему звезды и созвездия. Она была набожной женщиной, и ее строгая любовь также помогла сформировать характер сына. Это двойственное внимание Канта к фактам и моральным обязательствам осталось у него на всю жизнь и сыграло основную роль в его философии. Самое знаменитое утверждение философа, сделанное почти 50 лет спустя, относится именно к этим дням, проведенным с матерью: «Звездное небо над головой и моральный закон внутри нас наполняют ум все новым и возрастающим восхищением и трепетом, тем больше, чем чаще и упорнее мы над этим размышляем».

Кант был воспитан в духе пиетизма и с 8 до 16 лет посещал местную пиетистскую школу. Там его выдающийся интеллект и сильная жажда знаний встретили сильное сопротивление в виде бесконеч-

ных религиозных наставлений. Неприязнь к формальной религиозности осталась у него до конца его дней (повзрослев, он никогда не посещал церковь). Несмотря на это, Кант все-таки многое воспринял из пиетистских взглядов, в частности убеждение в необходимости простой жизни и приверженность строгой морали.

В 1737 году умирает мать Канта, ее хоронят как крестьянку. В то время Канту было 13, и он должен был уже испытывать первые юношеские сексуальные влечения. Психологи предполагают, что потеря горячо любимой им матери на стадии взросления вызвала чувство вины и подавление собственной сексуальности. Может, дело в этом, а может, желания просто увяли. Как бы то ни было, с этого момента Кант не проявлял своих сексуальных желаний, считая это героическим подвигом.

В возрасте 18 лет Кант был принят в университет Кенигсберга на теологический факультет. Сначала местная церковь оказывала ему финансовую помощь, но он зарабатывал и сам, обучая своих менее подкованных коллег. Скоро теология ему наскучила, и он начал серьезно интере-

соваться математикой и физикой. Он прочел Ньютона, труды которого открыли ему глаза на науку и великие открытия, сделанные во всех ее областях, от астрономии до зоологии. Только наука, основанная на эксперименте, может быть принята в эмпирической философии, то есть та, которая обосновывает наше знание мира опытом. В 1746 году, когда Канту было 22 года, умер его отец. Кант и пять его младших сестер остались совершенно без средств. Младшие из них были приняты в другие семьи пиетистов, старшие стали работать горничными. Кант безуспешно пытался получить должность в местной школе и был вынужден покинуть университет без степени.

Следующие 9 лет он работал частным учителем в местных богатых семьях. Некоторое время служил у графа и графини Кайзерлинг (аристократическая семья, в которой родился псевдофилософ Германн Кайзерлинг, вдохновенные, но ложные идеи которого пришлись по вкусу лидерам, переставшим верить в социальные иллюзии после Первой мировой войны). Всякий раз, когда у Канта появлялось хоть немного лишних денег, он отправлял их своим менее удачливым

сестрам, и эту привычку он сохранил на всю жизнь. Его пять сестер продолжали жить в Кенигсберге (в котором в то время было лишь 50 тысяч жителей), хотя никого из них он не видел более 25 лет. Когда одна из его сестер наконец пришла его навестить, он ее даже не узнал. После того как ему объяснили, кто это, он извинился перед другими собеседниками за ее невоспитанность. Кант, возможно, и не был снобом, но славился своей неспособностью терпеть глупцов. Даже среди родных.

И все же этот случай заставляет задуматься. Сестра Канта должна была быть очень похожа на свою мать, и физически, и умственно. Она даже была примерно того же возраста, что и его мать, когда она его воспитывала. Значит ли это, что знаменитая любовь Канта к матери настолько наполнила его, что он перестал ее осознавать? Можно предположить, что Кант бессознательно избегал тех доминант - фактов, морали, сексуального влечения, — которые ассоциировались у него с матерью. Его неспособность узнать сестру (а на самом деле нежелание иметь с ней ничего общего) вполне могла следовать из

этого, но мы не можем этого знать. Явный недостаток любви к жизни у Канта привлек гораздо больше внимания психологов, чем *сравнительно* нормальная жизнь других философов.

Кант мог быть безразличен к своей семье, но ему, похоже, нравилось жить в богатых семьях, где он работал учителем. Его облик был столь же странен, как и его характер. Ростом он был меньше пяти футов, и его голова была непропорционально велика. Он был сутуловат, левое плечо было ниже, а правое поднималось вверх, голова постоянно склонена в одну сторону. Одетый в поношенный костюм, не всегда имея в кармане хотя бы пфеннинг, он едва ли был центром внимания в университетском городке Кенигсберга (который сам едва ли был центром многоликого общества). Однако одетый в элегантный учительский костюм, пошитый его работодателем, общаясь за столом с гостями семьи, Кант просто расцветал. Вскоре он приобрел репутацию остроумного, уверенного человека и стал главной фигурой за карточными и бильярдными столами. Когда семьи отправлялись на летние каникулы за город, Кант сопровождал их, иногда удаляясь

почти на 40 миль от Кенигсберга. Это было самое большое расстояние, на которое он удалялся от своего провинциального городка за всю его жизнь. Но этот *сравнительно* элегантный период был только стадией его жизни.

В 1755, в возрасте 31 года, Кант наконец-то получил ученую степень в университете Кенигсберга, отчасти благодаря великодушию его мецената-пиетиста. Это был довольно поздний срок завершения обучения, и, как мы далее увидим, Кант развился тоже необычайно поздно. В этом возрасте почти все другие знаменитые философы уже начали формулировать свои основные идеи, обеспечившие им место в истории. Кант же начал создавать свою оригинальную философию только два десятилетия спустя.

Теперь он мог занять должность *приватдоцента* (младшего преподавателя) в университете. Эту должность он занимал в течение следующих 15 лет, ведя холостяцкую научную жизнь, полную упорного труда. Все это время он читал лекции главным образом по математике и физике и публиковал трактаты по многим вопросам научной тематики. В их число входили книги о вулканах, о природе ветров,

антропологии, причине землетрясений, огне, возрасте Земли, даже о планетах (которые, как он предполагал, в один прекрасный день окажутся обитаемыми, причем на более дальних от Солнца планетах будут жить более разумные существа).

И все же Канта естественно тянуло к абстрактным размышлениям. Он продолжал много заниматься философией. На него оказали наибольшее влияние Ньютон и Лейбниц. Главные достижения Ньютона касаются физики и математики, но в то время эти науки все еще считались частью «естественной» философии. Полное заглавие самой известной книги Ньютона звучит как *Philosophiae Naturalis Principia Mathematica*, «Математические принципы естественной философии». Кант изучал Ньютона достаточно внимательно и в итоге предложил «Новую теорию движения и покоя», противоположную взглядам Ньютона. То, что он при этом не понял Ньютона, не важно. Он пытался рассуждать о системе, охватывающей Вселенную, и хотел поставить свои вопросы перед величайшим умом той эпохи.

Согласно Лейбницу, физический мир причин и эффектов создавал внутреннюю гармо-

нию моральной целесообразности мира. Читая Лейбница, Кант начал представлять человечество участвующим не только в природных процессах, но и в достижении основной цели развития Вселенной.

В то же время заинтересованный философией Кант прочитал труды шотландского философа Давида Юма. Его впечатлила мысль Юма о том, что только опыт может быть основой всякого знания. Это был новый научный подход. Но Кант обнаружил, что невозможно принять все скептические выводы, которые философ делал на основе своего жесткого эмпиризма. Юм утверждал, что все воспринимаемое нами — последовательность впечатлений, а это значит, что понятия причины и следствия, тела и вещи, даже заботящийся о мире Бог-создатель являются только нашими верованиями или предположениями. Ни одно из них никогда не может быть воспринято опытным путем.

Удивительно, но Кант воспринял и эмоциональные взгляды Руссо. Первый романтик, Руссо был самым неакадемичным из всех философов, более доверяя личному самовыражению с помо-

щью чувств, чем рациональной мысли. Его защита свободы вдохновила французских революционеров. Кант мог быть по характеру довольно сухим человеком, но в философии Руссо было что-то, что отзывалось и в его глубоко спрятанных эмоциях. За маской холодного ученого билось сердце скрытого романтика, и это впоследствии станет очевидным в его философии. Но в то время все эти мыслители - Ньютон, Лейбниц, Юм, Руссо — оставались только частями разрозненной мозаики. До тех пор пока Кант не нашел способа соединить и осмыслить эти части, он не смог создать свою оригинальную философию. Столь нелегкая задача заняла у него много времени.

Возможно, Кант стал более нетерпеливым, потому что после этого с ним произошел странный случай. Вместо очередного серьезного научного трактата он опубликовал сатирическое произведение «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизика». «Духовидец» в заглавии — шведский мистик Сведенборг известный своими описаниями собственных долгих путешествий по аду и раю. В 1756 году Сведенборг опубликовал восьмитомное сочинение «*Arcanicoelestia*» («Секретырая»).

К сожалению, оно продавалось не очень хорошо, и за 10 лет было продано только четыре экземпляра. Один из них, как сейчас известно, был приобретен Кантом. Эти тома метафизических рассказов оказали на него огромное влияние — достаточно, чтобы написать на них сатирическую пародию. Как, издеваясь, пишет в своем предисловии Кант, «автор с определенной долей смирения признает, что он слишком простоват, чтобы постичь истину некоторых из приводимых рассказов. Он обнаружил, — как и всегда, когда нечего искать, — что ничего не обнаружил». И все же очень скоро становится понятным, что за насмешками Канта над «солнечными, эфирными мыслями-мирами, вырастающими из обманных понятий», стоят более глубокие вещи. За его обоснованными шутками и интеллектуальным презрением безошибочно можно обнаружить глубокий интерес к идеям Сведенборга. Кант хотел верить в метафизику (хотя и не в столь выходящей за пределы разума форме), но его интеллектуальный уровень стал в этом по-мехой.

Стиль произведений Канта известен своей скучностью и сложностью, но при всем том его

лекции представляли собой нечто совершенно противоположное. Он был столь невысок, что над кафедрой возвышалась только голова с хорошо запоминающимися чертами. Но эта говорящая голова была полна остроумия, потрясающей эрудиции и идей. Его лекции были «хитами», и слава о нем вскоре распространилась, поддерживаемая публикуемыми им трактатами на научные темы. Его знаменитые летние лекции по географии всегда привлекали толпы людей, не принадлежащих к университету. Эти лекции читались в течение 30 лет, за Кантом закрепился титул лучшего университетского преподавателя физической географии, несмотря на то, что Кант никогда не знал гор и, возможно, никогда не видел моря (которое было всего в 20 милях). Его яркие и детальные описания создавали мифы об отдаленных землях, которые он с огромным энтузиазмом рассказывал длинными зимними вечерами, когда холодный туман с Балтийского моря стелился по улицам маленького провинциального Кенигсберга.

Кант стал читать лекции и по философии, и вскоре стало очевидно, что он прекрасно знает и заброшенные территории этики и эпистемологии,

и затерянные миры логики, и даже весьма отдаленные от цивилизации районы метафизики. Между тем из-под его пера продолжали выходить трактаты на более понятные темы, такие, как фейерверки, искусство обороны и теория небес. Несмотря на это, Канту дважды было отказано в должности профессора университета Кенигсберга. Причины отказов неясны, но некоторые видели в этом элементы провинциального снобизма. Или, может быть, его просто не любили. Тем не менее Кант любил свой Кенигсберг. Когда ему предложили престижный пост профессора литературы берлинского университета, он отказался.

К счастью, в 1770 сменилось руководство университета, и Кант был наконец-то взят на должность профессора логики и метафизики. Теперь, в возрасте 46 лет, он становится все большим противником рационализма Лейбница, ученики которого занимали прочное положение в немецкой философии. Эмпиризм Юма казался неоспоримым, и Кант, хотя и с большой неохотой, начал принимать его скептицизм. Объекты, причина, следствие, непрерывность, даже понятие «я» - все казалось ошибочным. Они лежали за пределами

опыта, который был единственным достоверным источником познания. Кант принимал это, поскольку идеи Юма казались ему логически неопровержимыми. Но его тяготило такое непродуктивное положение дел. При таком подходе у философии не было способа продолжать себя. Неужели это действительно конец?

Однажды, изучая «Исследование о человеческом разуме», Кант «пробудился от своего догматического сна». Во вспышке вдохновения он увидел, как можно создать метафизическую систему и найти ответ на деструктивный скептицизм Юма, угрожавший уничтожить метафизику навсегда.

11 лет Кант ничего не публиковал, продолжая работать над своей философией. Жизнь его сложилась, ее размеренность начала приобретать облик легенды. По словам Гейне, Кант «вставал, пил кофе, писал, читал лекции, обедал и ужинал, прогуливался — и все в одно и то же время. И когда Иммануил Кант в своем сером плаще, с тростью в руке появлялся у дверей своего дома и прогуливался по узкой улочке, засаженной липами (которая и сейчас называется «Прогулка философа»), соседи знали, что

сейчас ровно половина четвертого. И так он прогуливался взад и вперед во все времена года, и когда было пасмурно или начинал накрапывать дождик, его старый слуга Лампе нервно семенил за ним с огромным зонтиком в руке, являя собой образец благоразумия». Только однажды Кант нарушил свое железное расписание: в этот день он начал читать «Эмилия» Руссо и так увлекся, что пропустил прогулку, чтобы закончить книгу. Только такой признанный чувственный романтик, как Руссо, смог заставить его забыть о расписании. Но и этой причины оказалось недостаточно, чтобы серьезно изменить жизненные привычки Канта. Хотя за эти годы Кант дважды пробовал жениться, в обоих случаях он обдумывал этот поступок так долго, что, когда наконец решался, одна из его невест (к счастью) уже вышла замуж за другого, а другая переехала в соседний город. Кант был не из тех, кто принимает поспешные решения. И все же его восхищение идеями Руссо не ограничилось только теорией. Годы спустя, когда многие идеи Руссо расцвели во время французской революции, Кант не скрывал радости и восхи-

щения. Для провинциального прусского города Кенигсберга это было редким, если не уникальным явлением среди университетских преподавателей.

В 1781 году Кант наконец опубликовал свой трактат «Критика чистого разума», считающийся его самым важным произведением. Но не все его читатели были энтузиастами. Когда Кант послал копию рукописи своему другу Герцу, тот вернул ее прочитанной лишь наполовину. Он утверждал, что если бы прочел ее до конца, то наверняка бы сошел с ума. И вы можете почувствовать то же самое. В «Критике чистого разума» Кант решил сократить множество доказательств и конкретных примеров, чтобы работа не получилась чересчур обширной. Но даже эта укороченная версия составляла более 800 страниц. И большая часть написанного была выдержана в таком духе: «Аподиктическое высказывание описывает ассерторическое как определенное тем самым законом познания, который в дальнейшем будет признан априорным, и поэтому он выражает...» Даже в самом лучшем переводе это только *звучит* лучше: «La proposizione apodittica consepisce il quidizio

assertorio determinato secondo queste legge dell'intelletto stesso e, per conseguenza, comme affirmativo a priori; ed esprime così...» Вам просто не захочется знать, на что это похоже на немецком (чудо, что Герц продвинулся наполовину, прежде чем начал опасаться за свой рассудок).

Но пусть это не преуменьшает подлинного величия кантовской системы. Целью философа было возрождение метафизики. Он согласился с Юмом и эмпириками, что нет такой вещи, как врожденные идеи, но отрицал, что *все* знание происходит из опыта. Эмпирики утверждали, что все знание необходимо свести к опытному, Кант блестяще перевернул этот тезис, сказав, что весь опыт должен соответствовать знанию. Согласно Канту, пространство и время субъективны. Это наши способы восприятия мира. Они есть своего рода неснимаемые очки, без которых мы не способны осмыслить наш опыт. Но они — не только субъективные части нашего познавательного механизма. Кант разъясняет, что есть различные «категории» (как он их называет), которые мы познаем только силами нашего разума и совершенно независимо от чувств. Эти категории включают в

себя такие понятия, как качество, количество, отношение. Они тоже своего рода неснимаемые очки. Мы не можем видеть мир иначе как в терминах качества, количества. Но через эти очки мы можем видеть только явления мира — и никогда не можем воспринять действительный ноумен, подлинную реальность, которая дает жизнь этому явлению.

Можно было бы заметить, что только человек, который никогда не видел горы, может поверить, что пространство не лежит вокруг нас, а является частью нашего аппарата восприятия. И с точки зрения здравого смысла это также спорно. Но столь скудные возражения не имеют ничего общего с философией.

Время, пространство и категории (которые включают в себя такие понятия, как множественность, причинность, существование) могут быть применимы только к явлениям нашего опыта. Если мы применяем их к объектам, которые не воспринимаем, мы приходим к «антиномиям», то есть к двум противоречивым утверждениям, оба из которых могут быть доказаны средствами разума. Таким способом Кант отмечает все разум-

ные аргументы в пользу (и против) существования Бога. Мы просто не можем применять такую категорию, как существование, к этой неэмпирической сущности.

Мы можем видеть, что Кант в своей «Критике чистого разума» не сторонник полного возврата к метафизике. Под «чистым разумом» он понимает априорный разум, то есть то, что может быть познано *до* опыта. Юм отрицал существование трансцендентных объектов (таких, которые лежат за пределами опыта). Но Кант был убежден, что можно сохранить трансцендентальные, метафизические элементы в философии в форме «категорий чистого разума». Скептическая точка зрения Юма может показаться упрощенной и, конечно, непродуктивной, если мы хотим использовать ее в реальном мире. Его отрицание причинной зависимости сводит всю науку до статуса метафизики. Подход Канта, напротив, гораздо более тонок и продуман — но едва ли превосходит юмовский с *философской* точки зрения. Мы можем быть не способны воспринимать мир без таких категорий, как пространство, время, качество. Но сложно доказать, что они не являются

составной *частью* этого восприятия, или показать, как они могут существовать без него (то есть до него).

С другой стороны, тезис Канта о том, что мы никогда не можем познать действительный мир, имеет важное значение. Все, что мы воспринимаем, — только явления. Вещь-в-себе (ноумен), которая порождает эти явления, всегда остается непознанной. И непонятно, почему она *хоть как-то* должна соответствовать нашему восприятию. Явление воспринимается через посредство категорий, которые не имеют никакой связи с вещью-в-себе. Она остается по ту сторону количества, качества, отношения и других категорий.

После публикации первой «Критики» Кант продолжал жить жизнью, построенной по строгому расписанию. Она не предполагала много контактов с обществом, эта сторона жизни всегда волновала Канта меньше всего. Он поддерживал отношения с несколькими выдающимися студентами, а также с некоторыми членами факультета. Но по-настоящему близок он с ними не был. Кант ни к кому из них не обращался «на ты» даже спустя десятилетия общения. Мысль была его

жизнью. «Для ученого мышление так же важно, как и питание, без него, когда он *не спит или один*, он не может жить». Он более чем кто-нибудь другой был намерен познать себя. Но задача познать Канта была столь же трудна для него, как и для других. Он жаловался: «Я недостаточно хорошо понимаю себя». Возможно, он опасался того, что может в себе найти. Здесь Шарфштайн делает главный вывод: ««Вещь-в-себе» — это не просто непознаваемое, это запретное; это, как я предполагаю, подавленная эмоциональная жизнь Канта, и он боялся затронуть ее, чтобы не разрушить собственное я».

Кант прекрасно понимал, что у него нет друзей. Но это его не беспокоило. Он с гордостью цитировал Аристотеля: «Друзья, у меня нет друзей». На самом деле он положительно относился к дружбе. «Дружба - это проявление приятных чувств по отношению к одному человеку, и она радует того, на кого направлена, но безусловно и то, что при этом теряются непредвзятость и свобода воли».

Психологи утверждали, что неспособность (или нежелание) Канта создать близкие отноше-

ния указывает на его глубокое несчастье. Но сам Кант не казался глубоко несчастным. Напротив, те, с кем он встречался, отмечал его веселый нрав. «Кант по характеру был обычно непринужденно весел. Он смотрел на мир радостно... и переносил свое хорошее настроение на окружающих. Таким образом, он был обычно в хорошем настроении и счастлив», — таково типичное наблюдение одного из его коллег.

Спустя 7 лет после публикации «Критики чистого разума», Кант пишет «Критику практического разума». Единственной уступкой этой книги читателю, по сравнению с предыдущей, было то, что она была короче. (Когда я просматривал первое издание Колриджа - страстного поклонника Канта, - я не мог не заметить, что некоторые страницы были до сих пор не разрезаны.)

В этой работе Кант «возрождает» Бога, больше не утверждая, что о нем ничего нельзя высказывать, поскольку он не описывается категориями. «Критика практического разума» посвящена этике в системе Канта. Здесь он ищет моральные, а не метафизические причины нашего восприятия. Кант пытался обнаружить не бо-

лее и не менее чем основополагающий моральный закон. Но ведь наверняка невозможно отыскать такой закон, который пришелся бы по нраву всем? От христиан до буддистов, от либералов до консерваторов - все верят в один общий принцип? Кант верил, что можно открыть этот основополагающий закон; начал он с того, что бы большинство признало важнейшим вопросом. О добре и зле речь не шла. Он не пытался найти суть всех различных интерпретаций этих основных моральных понятий. Кант подчеркивал, что он ищет *основание* морали, а не ее содержание. Как с чистым разумом, так и с практическим: требовалось определить априорные принципы, аналогичные категориям.

На самом деле Кант в итоге пришел к одному принципу, который назвал «категорическим императивом». Это был априорный принцип всех моральных поступков, их метафизическая предпосылка. Так же как и категории чистого разума, он задает рамку нашего этического мышления (практического разума), не наделяя его каким-то особенным моральным содержанием. Кантовский категорический императив звучит так: «По-

ступай только в соответствии с тем принципом, который для тебя имеет силу всеобщего закона».

Этот принцип дал Канту уверенность, что поступать следует в соответствии с долгом, а не в соответствии с чувствами, и привел его к некоторым странным умозаключениям. Например, Кант утверждал, что моральная правота поступка должна оцениваться не по его результату, а по тому, делает ли это человек из чувства долга. Это просто ненормально, если мораль связана только с общественным долгом, а не просто с личной правотой.

Кант рассматривал свой категорический императив только как форму, свободную от морального содержания. Но это не совсем так. Он все же содержит следы морального содержания. Моральность согласия, для начала. Категорический императив подразумевает, что каждый должен действовать определенным образом, не обращая внимание на настроение или цель. Должен ли глава государства действовать по тем же моральным принципам, что и епископ в монастыре? Следует ли ему пытаться быть таким? Должен ли Черчилль пытаться быть похожим на Ганди? Или наоборот?

Возможно, все системы с неизбежностью ведут к такой жесткости. Но безо всякой этической системы мы бы совсем потерялись и не смогли бы вынести никакого суждения.

Этические принципы системы Канта привели его к мысли, что мы никогда не должны лгать, независимо от того, какие последствия это может вызвать. Он хорошо знал о том, что влечет за собой этот тезис, но все равно его придерживался. «Сказать неправду убийце, который преследует твоего друга, укрывшегося в твоём доме, будет преступлением».

Должны ли мы думать, что Кант выдал бы своих друзей-евреев нацистам? Нет: все, что нам о нем известно, позволяет сказать, что здесь он бы последовал чувству долга. Его высокоразвитый ум быстро бы обнаружил правило, которое запрещает ему выдать своих друзей.

Вопрос о том, следует ли лгать или нет, выдает некоторый дефект системы Канта. Безошибочно можно сказать, что он *исключительно* серьезно относился к этой проблеме. Он даже размышлял над тем, стоит ли подписываться в конце письма «ваш преданный слуга», что было обыч-

ным для того времени. Будет ли это ложью? Кант говорил, что он не является слугой того, кому пишет, и совершенно не намерен быть преданным этому человеку. Но со временем он оставил такие размышления.

Однако в более серьезных вещах, таких, как литература, он оставался непреклонен. Он был против чтения романов. Они делают наш ум «фрагментарным» и ослабляют память, «поскольку было бы глупостью запоминать романы, чтобы потом рассказывать их другим». Не следует сбрасывать со счетов то, что Кант здесь подразумевает, что помнит все прочие книги. Он тем не менее упускает из внимания тот факт, что чтение романа Руссо «Элоиза» было для него формирующим опытом, который не сделал его ум фрагментарным и не ухудшил память.

Канту нравилась поэзия, но только если она была созданной разумом, гармонией между мужеством и чувствами. Поэзию без рифмы он считал просто сошедшей с ума прозой. Музыка была для него иным и гораздо более сложным видом искусства. Она одна могла пробить щит, скрывавший его невыраженные эмоции, и поэтому он был особен-

но резок по отношению к ней. Он не любил народную музыку, похожую на ту, что пела ему его мать. Музыкантов считал бесхарактерными, поскольку то, что они играли, сводилось целиком к чувствам. Он рекомендовал своим студентам воздерживаться от слушания музыки, поскольку она сделает их женственными. Однако сам он все-таки посетил один концерт, который давался в память о философе Моисее Мендельсоне.

Ему концерт показался бесконечным стоном, и больше Кант на концерты не ходил.

В 1790, в возрасте 58 лет, он опубликовал третью, и последнюю, часть своего «монстра» — «Критику способности суждения». Она посвящена главным образом вопросам эстетики, но также касается вопросов теологии и многих других. Кант доказывает, что существование искусства предшествует художнику и что через красоту мира мы познаем его творца. Как он ранее заметил, в расположении звезд на небе, а также в нашей внутренней склонности к добру видна работа Бога.

Как в теории ощущения, так и в этике Кант пытается найти метафизическое основание для

эстетического суждения. Он хочет установить априорный принцип, который делает возможным чувство прекрасного. Здесь Кант стоит на еще более зыбкой почве. Всегда сложно прийти к согласию относительно того, что является красивым. Некоторые считают швейцарские Альпы «шоколадной конфеткой», находят духовное содержание в импрессионизме. Другие же — нет. В таких вопросах просто невозможно прийти к согласию. Но Кант был полон решимости выразить *все* в своей системе.

Кант считает: «Тот, кто описывает что-то как прекрасное, настаивает на том, что все *должны* соглашаться в этой оценке». Сходство с категорическим императивом очевидно, но здесь он просто не работает, кроме как в личном смысле. Еще раз мы встречаемся с принципом согласия. То, что я нахожу картину красивой, еще не значит, что я жду этого же от всех.

Кант продолжает утверждать, что только благодаря единству и взаимосвязанности природы возможна наука. Это единство невозможно обосновать, но следует принять на веру. С ним связана идея о целесообразности природы. Кант го-

ворит, что целесообразность природы — это «особое априорное понятие». Как мы уже знаем, это понятие не обязательно для принятия единства и взаимосвязанности природы. Последнее сегодня даже ставится квантовой теорией под сомнение.

Хотя мы не можем доказать целесообразность мира, мы должны рассматривать его так, «как если бы» у него была цель, утверждает Кант. Он не отрицает зла, безобразности и других очевидно бесцельных явлений мира, но считает их гораздо менее значительными, чем их воодушевляющие противоположности. В следующем веке Шопенгауэр принял абсолютно противоположную точку зрения, возможно более полно обосновав ее. В конце концов, ни оптимистическая, ни пессимистическая позиции не могут никаким образом быть доказаны, и выбор их остается полностью делом характера.

Тем временем Кант продолжал жить по неизменному расписанию, и граждане Кенигсберга продолжали сверять часы по философу, выходящему на прогулку: три часа ровно. Мнение Канта о том, что время целиком принадлежит сознанию

и не имеет ничего общего с реальностью, возможно, как-то перекликалось с его образом жизни в Восточной Пруссии. Провинция с юга и запада граничила с Польшей, которая жила на час раньше Пруссии. А на востоке находилась Россия, в которой по григорианскому календарю было на одиннадцать дней «больше», чем во всей Европе. Ближайшие люди, жившие по тому же самому времени, находились на западе, в Германии, отделенной Польшей от Пруссии на много миль.

Кант жил на Принцессиненштрассе, в доме, разрушенном в 1893 году. Там за ним присматривал старый сварливый слуга Лампе, с которым философ позволял себе быть столь же сварливым. Все должно было делаться абсолютно правильно. Лампе должен был даже помогать своему хозяину каждый вечер раздеваться в определенном порядке. И когда Кант отправлялся спать, он обязательно надевал ночной колпак летом и два — зимой, которая в Кенигсберге, находящемся недалеко от Балтийского моря, могла быть очень холодной.

Канту повезло с публикацией его трех великих «Критик». В то время политическая ситуация в Пруссии была на редкость спокойной, что не

часто бывало в этих землях. Сомнительно, чтобы он мог опубликовать свои произведения в большинстве других стран Европы. Он очень ценил это и посвятил «Критику чистого разума» Зедлицу, министру образования Фридриха Великого. Как это соответствует скучному провинциальному профессору, Кант выказывал внешнее уважение к королю. Но сердцем, как ни удивительно, он был революционером. И поэтому презирал французских философов, вившихся при дворе Фридриха.

Когда в 1786 году Фридрих Великий умер и на трон взошел Фридрих Вильгельм II, Канту пришлось несладко. Министром образования был назначен Вельнер, убежденный пиетист, который обвинил Канта в злонамеренном использовании своей философии против Библии. Кто-то в министерстве, продравшись через 800 страниц «Критики чистого разума», обнаружил, что Кант отрицает все доказательства существования Бога. Философу пришлось дать клятву, что он не будет писать и читать лекций на религиозные темы. Он написал письмо королю, давая слово, что он подчинится этому приказу. Но когда в 1797 король

умер, Кант решил, что свободен от своего обещания, и вернулся к этой теме со свежими силами. (Как мы видим, взгляды Канта на ложь могли меняться, когда возникал нужный случай.)

Но вот Канту уже почти 70. За годы практики он так усовершенствовал свою ипохондрию, что стал мастером в этом искусстве. Каждый месяц он посылает слугу к главе полицейской управы Кенигсберга за статистическим отчетом и, исходя из него, рассчитывает вероятный срок своей жизни. Он пришел к убеждению, что запоры затуманивают его рассудок, и добавил в свою аптечку (размером с целую лабораторию) значительное количество снадобий от этого недуга. Он энергично просматривает медицинские журналы, описывающие новые открытия, чтобы узнать, не болен ли он одной из новых болезней. Обеспокоенных его новым увлечением коллег он быстро поставил на место. О болезнях Кант знал намного больше, чем любой профессор Кенигсберга. По этому вопросу, как и по многим другим, он не терпел противоречий. В отличие от обычных любителей поспорить, он неизменно оказывался прав, и прекрасно знал это.

Профессора университета еще могли терпеть такое обращение, но для его слуги Лампе это было слишком, поскольку ему приходилось сталкиваться с такими проявлениями все время. После десятилетий преданной службы он однажды приложился к бутылке и тут же был уволен.

Тем временем Кант продолжал стойко избегать внимания семьи. Он по-прежнему оправдывал недостаточно близкие контакты с сестрами тем, что они, по его мнению, были для него недостаточно образованы. После смерти Ньютона в Европе вряд ли можно было бы найти человека, удовлетворявшего кантовскому критерию. Он считал, что его сестры довольно милы, но у него с ними нет ничего общего из-за их культурной неразвитости. Но такая позиция не объясняет, почему Кант не общался со своим братом, который стал образованным человеком. Брат очень стремился повидаться со своим знаменитым родственником и регулярно писал Канту письма, в которых предлагал встретиться, но бесполезно. В одном письме он умолял Канта: «Я не могу выносить продолжения этой разлуки, мы ведь братья!» Философу потребовалось два года, чтобы

отослать ответное письмо, в котором он писал, что все это время был слишком занят и не мог написать раньше. В самом последнем письме брату, в возрасте 68 лет, Кант пишет, что будет хранить память о брате все недолгое время, оставшееся ему в этой жизни, но вежливо обходит вопрос о встрече.

С возрастом Кант становился все более погруженным в себя мизантропом. «Жизнь обременяет меня, — признавался он, — я устал от нее. И если этой ночью ко мне спустится ангел смерти и призовет меня, я подниму руки и воскликну: «Слава Богу!» Но тем не менее он продолжал активно предаваться своему хобби, которое было направлено на продолжение жизни. Любая мысль о том, чтобы положить всему конец, Кантом отвергалась. Он не боялся самоубийства, но считал его морально неприемлемым. Он начал все больше страдать от кошмаров. Каждую ночь слышал тихие шаги ищущих его убийц. В этом безошибочно можно узнать паранойю. Он объявил: «Каждый почти ненавидит других, пытается возвыситься над товарищами, полон злости, коварства и других подлых недостатков. Человек - не Бог, а

Дьявол». Он пришел к выводу, что «если бы человек написал и сказал все, что он думает, на земле не было бы более ужасной вещи». Последние две цитаты показывают, каким он должен был видеть себя к концу его долгой, скучной, но во многом безупречной жизни. Он не был виноват в случае с Лампе, который всегда мог найти другую работу, да и сестрам он посылал деньги.

Природная веселость Канта тонула в болоте его подавленной эмоциональной жизни. Конечно же, он не был счастлив, но был полон решимости оставаться правдивым с собой до конца. Он настаивал на том, что не имеет ничего против того, чтобы быть несчастным, что выглядит довольно обоснованным в его философии. В «Критике практического разума» он пишет, что удивлен тем, что «разумный человек мог провозгласить в качестве всеобщего практического закона счастье». С его точки зрения, счастье и моральность в основе своей не имеют ничего общего. Можно чувствовать удовлетворение от добродетельного поступка, но для Канта было непостижимо, как «чистая мысль, не содержащая ничего чувственного, может вызывать чувство удоволь-

ствия или неудовольствия». Они могут присутствовать только в уме, полностью связанном с эмоциями. (Даже самый черствый математик знает об удовольствии, получаемом при решении сложной проблемы.)

Но у Канта все-таки было дело, регулярно доставляющее ему удовольствие. Его тайная страсть была характерной для такого одиночки: он любил наблюдать за полетом птиц и с нетерпением ждал их возвращения каждую весну. По словам коллег, «единственная радость, которую еще доставляет ему природа, — это возвращение певчих птиц, которые поют за окном в его саду». Даже в его безрадостной старости эта радость оставалась с ним. Если его друзья задерживались слишком долго, он говорил: «На Апеннинах, наверное, еще слишком холодно». Шарфштайн, чьи зарисовки жизни Канта оказали на меня большое влияние, предполагает, что птицы были для Канта символом свободы. Но свободы от чего? Конечно, от тирании собственной природы. А также, возможно, свободы от мыслей, которым Кант дал поработить свою жизнь, элемента, с помощью которого он

хотел заключить весь мир в темницу своей системы.

Последнее десятилетие жизни Кант посвятил огромной философской работе, которая так и не была закончена. Он хотел озаглавить ее «Переход от метафизических оснований естественных наук к физике». В отличие от ранних работ Канта, эту уж точно невозможно читать. Храбро рискуя сойти с ума, несколько экспертов попытались одолеть этот Эверест германских метафизических Гималаев, но вернулись, задыхаясь от недостатка кислорода и совершенно неспособными передать, что же они там увидели. Как можно догадаться по реакции выживших, Кант приспособил свою общую априорную структуру для наук о природе, показывая с большим количеством деталей, как она может быть расширена и применяться к частным наукам. Главное здесь - «большое количество деталей».

В это время Кант стал печальной фигурой: его потрясающие способности постепенно сходили на нет. Говорят, что ипохондрия - только защитный механизм от паранойи. Несмотря на прилежные и тщательные просмотры медицинских жур-

налов, паранойя начинала преобладать. Он начал испытывать давление на мозг, которое, как он решил, было вызвано редкой формой воздушного электричества. То же самое электричество, по его мнению, было причиной кошачьей эпидемии, разразившейся в Копенгагене и Вене. Такая увлеченность «электрическими силами» часто связана с шизофренией.

Кант никогда не терял рассудка. Его болезнь была скорее ослаблением тугих узлов, державших его так сильно всю жизнь. Он быстро увядал. Несколько близких коллег и студентов, приглашенных к нему на ужин, с молчаливой горечью наблюдали, как уходит его разум. Затем его новый слуга увел его. Восьмого октября 1803 года Кант в первый раз в своей жизни заболел. У него случился легкий приступ после того, как он переел за обедом своего любимого «английского сыра». Через четыре месяца, в течение которых ему становилось все хуже, он умер. Это произошло 12 февраля 1804 года. Его последними словами были «Es ist gut» («Хорошо»). Он был похоронен в соборе, на могиле написаны слова о Боге, в которого он, конечно же, верил, но которому не по-

клонился публично. Эти слова напоминают о маленьком мальчике, слушавшем свою мать, которой он восхищался: «Звездное небо над головой и моральный закон внутри нас наполняют ум все и возрастающим восхищением и трепетом».

Диалог о Канте и метафизике

ВОПРОС: О чем «Критика чистого разума» Канта?

ОТВЕТ: О метафизике.

В: А что такое метафизика?

О: Это слово возникло как ошибка и завершило свое существование будучи признанным ошибкой. Долгое время метафизика была главной темой философии.

В: Это все-таки не ответ. Что же именно представляет собой метафизика?

О: Согласно мнению большинства современных философов, совсем ничего.

В: Хорошо, тогда что она представляла собой изначально?

О: Это слово было использовано для названия части философских работ Аристотеля — тех, что в собрании его произведений следовали после известных работ по физике. Они получили название «идуших за физикой», что по-гречески было «*метафизика*».

В: Но это все-таки не говорит мне о том, что такое метафизика.

О: В этих работах, «идуших за физикой», Аристотель описывает «науку о вещах, превосходящих физическое или природное».

В: А что это значит?

О: Это наука, занимающаяся первыми умо-зрительными принципами, находящимися за пределами физического мира. Это принципы, которые управляют нашим познанием этого самого физического мира. Другими словами, метафизика имеет дело с тем, что выходит за пределы воспринимаемого нами физического мира.

В: Но откуда мы знаем, что за пределами воспринимаемого мира что-то есть?

О: Мы и не знаем. Именно поэтому большинство современных философов считают метафизику ошибкой.

В: Но Кант так не считал?

О: Кант был полон решимости создать новую метафизику. Незадолго до него Юм пришел к тому же выводу, что и упоминавшиеся современные философы. Юм считал, что он уничтожил саму возможность появления метафизики.

В: Каким образом?

О: Ставя под сомнение все, что не проистекает из собственного опыта. Этот крайний скептицизм отрицал многие идеи, в которые все человечество верило веками, но никогда не испытывало на опыте.

В: Например?

О: Например, Бога.

В: Но сказанное Юмом не произвело каких-либо изменений. Люди все еще продолжают верить в Бога.

О: Да, но постепенно люди поняли, что они делают это только по причине веры, а не вследствие непосредственного опыта или точного рассуждения.

В: Так «развенчание» метафизики Юмом не принесло совсем никакого результата?

О: На самом деле оно произвело громадное изменение. Особенно среди ученых и философов.

В: В чем же оно заключается?

О: В отрицании всего, что мы не можем проверить опытом. Юм не принимал не только Бога. Для ученых и философов гораздо важнее то, что он отрицал причинность.

В: Как?

О: Согласно Юму, все, что мы знаем из опыта, это то, что за одной вещью следует другая. Мы никогда не можем сказать, что одна вещь является *причиной* другой. Мы не можем выйти за пределы опыта и сказать это. В действительности мы никогда не *воспринимаем* причинную связь, а воспринимаем только следование одного явления за другим.

В: И что же?

О: Это удар в самое сердце научного знания. По Юму, научное знание, основанное на причинности, является метафизическим, а не эмпирическим и никогда не может быть проверено. А обоснование — главный критерий научного знания. Как и философского. Юм утверждает, что мы не можем доказать философские утверждения, если они не являются результатом непосредственного опыта.

В: Например?

О: Например, утверждение «Это яблоко зеленое».

В: Но это означает, что философ практически ничего не может сказать.

О: Именно. И как раз эту главную трудность Кант пытался преодолеть в своей философии.

В: Каким образом?

О: Он пытался показать, что, несмотря на разрушительный скептицизм Юма, создать метафизику все же можно. Она должна стать всеобщей и необходимой формой знания - такой, которая выдерживала бы нападки юмовского скептицизма. Впервые он сделал это в «Критике чистого разума».

В: Так, значит, метафизика Канта была попыткой создать высшую науку, которая гарантировала бы истинность нашего знания?

О: Именно.

В: И как же ему это удалось?

О: Кант создал то, что сам называл «критической философией». Это подробный анализ эпистемологии — учения о самых основах, на которых покоится наше познание. Согласно Канту, некоторые суждения, которые мы высказываем,

являются необходимыми для всего знания. Эти суждения он обозначил как «синтетические априорные». Под синтетическими он понимал противоположные аналитическим, и знание, которое содержалось в таких суждениях, не проистекало из предшествующих понятий. Например, «шар круглый» — аналитическое суждение, поскольку понятие «круглый» уже содержится в понятии «шар» (шар не может быть не круглым). Но предложение «шар сияет» является синтетическим. Оно говорит о шаре нечто большее, чем заключающийся в исходном понятии смысл, так же, как и в эмпирических суждениях. Априорными Кант называл общие и необходимые суждения. Они в самом деле должны существовать до всякого опыта и создаются только при участии разума. В отличие от суждений, возникающих на основе опыта, они не являются частными и условными. То есть они не применяются к определенным обстоятельствам и не являются логически случайными, как, например, предложения «Эта лошадь серая» и «Эта лошадь выиграла Дерби».

Как всякие научные суждения, эти синтетические априорные суждения должны быть нео-

проверяемыми общими истинами. Другими словами, они должны иметь ту же самую силу, как и аналитические, хотя и являются синтетическими. И они должны быть совместимы с опытом, хотя и предшествуют ему.

Основной вопрос Канта был таков: «Как возможны синтетические суждения a priori?» Он задает этот вопрос в области математики, физики и метафизики. Математика, по Канту, имеет дело с пространством и временем. Кант утверждает, что, в отличие от явлений, пространство и время на самом деле априорны, то есть не являются частью нашего опыта, а есть необходимые предшествующие условия этого опыта. Невозможно иметь никакого опыта без этих «форм чувственности».

Далее Кант говорит, что предложения физики - априорные суждения. Они классифицируют эмпирические суждения (и следовательно, являются синтетическими), но используют понятия, которые даны до опыта (и следовательно, являются априорными). Эти понятия, или «категории нашего рассудка», как их называл Кант, очень похожи на пространство и время в математике.

«Категории» представляют собой основу нашего знания. Они состоят из таких классов, как качество, количество, отношение (включая причинность) и модальности (такие, как существование и несуществование). Они не являются частью нашего опыта, и все же никакой опыт без них невозможен.

Однако, когда мы переходим к метафизике, верно противоположное. Метафизика не имеет ничего общего с опытом (ведь она «после физики»). Это означает, что мы не можем применять категории, такие как качество, количество, к метафизике, поскольку они являются условием опытного знания. Метафизика исключается из области синтетических суждений а priori и не имеет научной основы. Значит, если мы возьмем любое понятие метафизики, например Бога, мы не можем высказать научного (или проверяемого) суждения о нем, потому что любые категории относятся только к опыту. Следовательно, разговор о существовании (или несуществовании) Бога — результат неправильного применения категорий.

В этом смысле Кант отрицает метафизику. Но, делая это, он создает свою собственную альтер-

нативную систему метафизики. Метод, при помощи которого Кант рассматривал «формы чувственности» (пространство и время) и «категории рассудка» (существование, необходимость и т. д.), без всякого сомнения, метафизический. Мы можем считать пространство и время «включенными» в физику нашего опыта, но Кант так не считал. Его аргументы против метафизики применимы и к самим этим аргументам. Относительно них мы не можем делать синтетических априорных утверждений. Они не научные, не аналитические и логически не необходимые: они метафизические. А если, с другой стороны, они «включены» в опыт, то тогда не может быть априорных категорий понимания.

«Критика практического разума» пытается применить ту же систему к этике. Вместо того чтобы спрашивать, есть ли в этике синтетические априорные суждения, Кант спрашивает, есть ли законы, которые априорно управляют нашей волей и, следовательно, могут быть названы общими. От категорий он переходит к «категорическому императиву», не являющемуся частью действительного морального опыта, но создающему для

него априорную основу. Этот категорический императив он выражает следующим образом: «Поступай только в соответствии с тем принципом, который для тебя имеет силу всеобщего закона». Как и категории, императив только формален. Категории не имеют эмпирического содержания, и категорический императив не имеет морального содержания. Он может очень просто использоваться всеми, но в то же время он достаточно широк, чтобы охватывать мораль как садомазохиста, так и стремящегося к клубви и миру хиппи. Он также совершенно рационален и подразумевает, что все люди должны рассматриваться одинаковыми по темпераменту. Но психологически мы не всегда действуем рационально, да и характеры других не считаем тождественными нашему. А тем более и не желаем, чтобы они были таковыми, если, конечно, не являемся диктаторами. Как же можно применять этот императив, если мы так не думаем и так не поступаем? Можно подписаться под некоторыми общими принципами, но они не покрывают собой всей области моральных действий. Есть некоторые менее общие принципы, которые мы ни в коем случае не хотим сделать

принципами всех людей. Я воздерживаюсь от каннибализма и хочу, чтобы принцип «Есть людей неправильно» был применим ко всем людям. Но если я воздерживаюсь от убийства, это не значит, что я хочу, чтобы полицейский воздержался от убийства захватившего заложников маньяка.

Можно сказать, что столь определенные аргументы не применимы к императиву, который является только основой наших моральных действий. Наши поступки подразумевают под собой некоторые общие принципы морали. Но переход на чисто формальный язык делает категорический императив совершенно неприменимым на практике. Он просто утверждает, что мы должны поступать так, как мы хотели бы, чтобы поступали все люди.

Из произведений Канта

Следующие отрывки взяты из введения к «Критике чистого разума», где Кант подготавливает читателя к восприятию основ своей философии. Как можно видеть из второго предложения, он начинает так же, как и собирается потом продолжать. Пробейтесь сквозь эту легко видимую преграду, и вскоре вы поймете силу ума, который ловко проходит сквозь болото логических связей.

Без сомнения, всякое наше познание начинается с опыта. В самом деле, чем же пробуждалась бы к деятельности познавательная способность, если не предметами, которые действуют на наши чувства и отчасти сами производят представления, отчасти побуждают наш рассудок сравнивать их, связывать или разделять и таким образом перерабатывать грубый материал чувственных впечатлений в познание предметов, называемое опытом? Следовательно, никакое познание не предшествует во времени опыту, оно всегда начинается с опыта.

Кант продолжает рассуждать:

Но хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта. Вполне возможно, что даже наше опытное знание складывается из того, что мы воспринимаем посредством впечатлений, и из того, что наша собственная познавательная способность (только побуждаемая чувственными впечатлениями) дает от себя са-

мой, причем это добавление мы отличаем от основного чувственного материала лишь тогда, когда продолжительное упражнение обращает на него наше внимание и делает нас способными к обособлению его.

Затем он спрашивает:

Поэтому возникает, по крайней мере, вопрос, который требует более тщательного исследования и не может быть решен сразу: существует ли такое независимое от опыта и даже от всех чувственных впечатлений познание? Такие знания называются априорными, их отличают от эмпирических знаний, которые имеют апостериорный источник, а именно происходят из опыта.

Теперь он углубляется в значение понятия априори:

Однако термин а priori еще недостаточно определен, чтобы надлежащим образом обо-

значить весь смысл поставленного вопроса. В самом деле, обычно относительно некоторых знаний, выведенных из эмпирических источников, говорят, что мы способны или причастны к ним a priori потому, что мы выводим их не непосредственно из опыта, а из общего правила, которое, однако, само заимствовано нами из опыта. Так, о человеке, который подрыл фундамент своего дома, говорят: он мог a priori знать, что дом обвалится, иными словами, ему незачем было ждать результатов опыта, т. е. действительного обвала. Однако знать об этом совершенно a priori он все же не мог. О том, что тела имеют тяжесть и потому падают, когда лишены опоры, он все же должен был раньше узнать из опыта.

Поэтому в дальнейшем исследовании мы будем называть априорными знания, безусловно независимые от всякого опыта, а не независимые от того или иного опыта. Им противоположны эмпирические знания, или знания, возможные только a posteriori, т. е. посредством опыта. В свою очередь из априорных знаний чистыми называются те знания, к которым совершенно не примешивает-

ся ничто эмпирическое. Так, например, положение «всякое изменение имеет свою причину» есть положение априорное, но не чистое, так как понятие изменения может быть получено только из опыта.

Все вышеприведенные отрывки взяты из «Критики чистого разума» (2-е издание), введение, часть 1.

Рассуждение продолжается, и проект становится все более громоздким. Эту крайне редкую возможность сопроводить одного из самых известных интеллектуалов в истории, размышляющего в своем оригинальном стиле, нельзя упустить. Стремление достичь подобных высот определяет ценность этого упражнения.

Речь идет о признаке, по которому мы можем с уверенностью отличить чистое знание от эмпирического. Хотя мы из опыта и узнаем, что объект обладает теми или иными свойствами, но мы не узнаем при этом, что он не может быть иным. Поэтому, во-первых, если имеется положение, которое мыслится вместе с его необходи-

мостью, то это априорное суждение; если к тому же это положение выведено исключительно из таких, которые сами, в свою очередь, необходимы, то оно, безусловно, априорное положение. Во-вторых, опыт никогда не дает своим суждениям истинной или строгой всеобщности, он сообщает им только условную и сравнительную всеобщность (посредством индукции), так что это должно, собственно, означать следующее: насколько нам до сих пор известно, исключений из того или иного правила не встречается. Следовательно, если какое-нибудь суждение мыслится как строго всеобщее, т. е. так, что не допускается возможность исключения, то оно не выведено из опыта, а есть безусловно априорное суждение. Стало быть, эмпирическая всеобщность есть произвольное повышение значимости суждения с той степени, когда оно имеет силу для большинства случаев, до той степени, когда оно имеет силу для всех случаев, как, например, в положении «все тела имеют тяжесть». Наоборот, там, где строгая всеобщность принадлежит суждению по существу, она указывает на особый познавательный источник суждения, а именно на способность к апри-

орному знанию. Итак, необходимость и строгая всеобщность суть верные признаки априорного знания и неразрывно связаны друг с другом. Однако, пользуясь этими признаками, подчас бывает легче обнаружить случайность суждения, чем эмпирическую ограниченность его, а иногда, наоборот, более ясной бывает неограниченная всеобщность, приписываемая нами суждению, чем необходимость его; поэтому полезно применять отдельно друг от друга эти критерии, из которых каждый безошибочен сам по себе.

Он продолжает блестящую демонстрацию глубины немецкой метафизики. Как всякое хорошее лекарство, этот текст следует принимать медленно и несколько раз — только тогда начинает проявляться его эффективное действие.

Нетрудно доказать, что человеческое знание действительно содержит такие необходимые и в строжайшем смысле всеобщие, стало быть, чистые априорные суждения. Если угодно найти пример из области наук, то стоит лишь указать на все

положения математики; если угодно найти пример из применения самого обыденного рассудка, то этим может служить утверждение, что всякое изменение должно иметь причину; в последнем суждении само понятие причины с такой очевидностью содержит понятие необходимости связи с действием и строгой всеобщности правила, что оно совершенно сводилось бы на нет, если бы мы вздумали, как это делает Юм, выводить его из частого присоединения того, что происходит, к тому, что ему предшествует, и из возникающей отсюда привычки (следовательно, чисто субъективной необходимости) связывать представления. Даже и не приводя подобных примеров в доказательство действительности чистых априорных основоположений в нашем познании, можно доказать необходимость их для возможности самого опыта, т. е. доказать a priori. В самом деле, откуда же сам опыт мог бы заимствовать свою достоверность, если бы все правила, которым он следует, в свою очередь, также были эмпирическими, стало быть, случайными, вследствие чего их вряд ли можно было бы считать первыми основоположениями. Впрочем, здесь мы можем

довольствоваться тем, что указали как на факт на чистое применение нашей познавательной способности вместе с ее признаками. Однако не только в суждениях, но даже и в понятиях обнаруживается априорное происхождение некоторых из них. Отбрасывайте постепенно от вашего эмпирического понятия тела все, что есть в нем эмпирического: цвет, твердость или мягкость, вес, непроницаемость; тогда все же останется пространство, которое тело (теперь уже совершенно исчезнувшее) занимало и которое вы не можете отбросить. Точно так же если вы отбросите от вашего эмпирического понятия какого угодно телесного или нетелесного объекта все свойства, известные вам из опыта, то все же вы не можете отнять у него то свойство, благодаря которому вы мыслите его как субстанцию или как нечто присоединенное к субстанции (хотя это понятие обладает большей определенностью, чем понятие объекта вообще). Поэтому вы должны под давлением необходимости, с которой вам навязывается это понятие, признать, что оно a priori пребывает в нашей познавательной способности.

«Критика чистого разума» (2-е издание), введение, часть 2.

Здесь Кант объясняет понятие времени в собственной философской системе:

Время не имеет объективной реальности; оно не признак, не субстанция, не отношение: оно есть чистое субъективное условие, необходимое по природе человеческого ума, который соотносит все наши чувства по некоторому закону, и есть чистая интуиция. Мы соотносим субстанции и их признаки единым образом, на основе их одновременности и последовательности, только через понятие времени.

Собрание сочинений в 8 т., т. 2.

Здесь Кант проводит различие между различными видами радости. Отрывок взят из его эссе «Наблюдение над чувством возвышенного и прекрасного»:

Так как человек чувствует себя счастливым, лишь поскольку он удовлетворяет какую-либо склонность, то чувство, делающее его способным испытывать большое удовлетворение, не нуждаясь при этом в исключительных талантах, имеет, конечно, немаловажное значение. Тучные люди, для которых самый остроумный автор - их повар, чьи изысканные произведения хранятся в их погребе, будут по поводу пошлой непристойности и плоской шутки испытывать такую же пылкую радость, как и та, которой гордятся люди более благородных чувств. Ленивый человек, любящий слушать чтение книги потому, что при этом можно прекрасно заснуть; купец, которому все удовольствия кажутся глупыми, за исключением того, какое делец испытывает, когда он составляет смету своей торговой прибыли; тот, кто любит другой пол лишь в той мере, в которой причисляет его к предметам, годным для употребления; любитель охоты, охотится ли он за мухами, как Домициан, или за дикими животными, как А. — у всех этих людей есть чувство, делающее их способными наслаждаться, каждого на свой лад.

Имеется преимущественно два вида тонкого чувства, которое мы хотим здесь рассмотреть: чувство возвышенного и чувство прекрасного. Оба чувства возбуждают приятное, но весьма разным образом. Вид гор, снежные вершины которых поднимаются над облаками, изображение неистовой бури или описание ада у Мильтона вызывает удовольствие, связанное, однако, с некоторым страхом. Вид покрытых цветами лугов и долин с бегущими по ним ручьями и пасущимися на них стадами, описание рая или гомеровское изображение женских прелестей также вызывают приятное чувство, но радостное и веселое. Чтобы первое из упоминаемых здесь впечатлений имело надлежащую силу, мы должны обладать чувством возвышенного, для того же, чтобы как следует наслаждаться вторым, необходимо чувство прекрасного.

«Наблюдение над чувством возвышенного и прекрасного», часть 1

Редкий пример поэтического творчества Канта. Стихотворение было написано в 1782

году послушаю смерти пастора Лилиенталя, венчавшего родителей Канта.

Was auf das Leben folgt deckt tiefe Finstereniss;
Was uns zu thun gebuhrt, dess sind wir nur gewiss.

(Что приходит после смерти, скрыто в темной мгле;
Мы знаем только то, что от нас ожидается.)

И еще более редкий отрывок, на это раз пример сухого и неуловимого юмора Канта. Он взят из введения к его философскому проекту «К вечному миру»:

К вечному миру

К кому обращена эта сатирическая надпись на вывеске одного голландского трактирщика рядом с изображенным на этой вывеске кладбищем? Ко всем ли людям, или только к главам государств, которые никак не могут пресытиться войной, или, быть мо-

жет, только к философам, которым снится этот сладкий сон? Вопрос остается открытым.

«К вечному миру». Введение

Следующий отрывок может объяснить популярность лекций Канта по географии для граждан Кеннедигсберга. Он был написан доктором Дж. Г. Штирлингом, британским членом Философского общества Берлина:

(В лекциях по географии)... Кант не мог не упомянуть о некоторых наиболее интересных фактах, достигших его слуха. ...Негры рождаются полностью белыми, за исключением кольца вокруг пупка. Ибис умирает в тот момент, когда покидает территорию Египта. Львы настолько благородны, что не поднимут лапу на женщину... Если сделать чашу из рога носорога, любой яд расколется. В Италии есть мидии, которые дают столько света, что при нем можно читать. В Лангедоке есть горячий источник, в котором из яиц

рождаются цыплята. В Гамбии дикие звери едят только негров, а европейцев не трогают. Негры в Америке очень любят мясо собак, поэтому те на них и лают.

Согласно мнению доктора Штирлинга, все эти взгляды были «совершенным вымыслом».

Важные даты в философии

VI в. до н. э. — с Фалеса Милетского начинается западная философия.

Конец VI в. до н. э. - смерть Пифагора.

399 г. до н. э. - Сократа приговаривают к смерти в Афинах.

387 г. до н. э. - Платон открывает Академию в Афинах, первый университет.

335 г. до н. э. — Аристотель основывает в Афинах Лицей, школу, конкурирующую с Академией.

ВАЖНЫЕ ДАТЫ В ФИЛОСОФИИ

324 г. н. э. - император Константин перемещает столицу Римской империи в Византию.

400 г. н. э. - Августин Блаженный пишет «Исповедь». Философию поглощает христианская теология.

410 г. н. э. — осада Рима вестготами и начало темных веков Средневековья.

529 г. н. э. — закрытие императором Юстинианом Афинской академии знаменует собой конец эллинистической культуры.

Середина XIII в. — Фома Аквинский пишет комментарии к трудам Аристотеля. Эпоха схоластики.

1453 — захват Константинополя турками, гибель Византийской империи.

1492 — Колумб достигает берегов Америки. Флорентийское Возрождение и возобновление интереса к греческой культуре.

ВАЖНЫЕ ДАТЫ В ФИЛОСОФИИ

1543 - Коперник публикует работу «Об обращении небесных тел», математически доказывая, что Земля вращается вокруг Солнца.

1633 - Галилей под давлением церкви отрекается от гелиоцентрической теории Вселенной.

1641 — Декарт издает «Философские рассуждения»; рождение современной философии.

1677 - после смерти Спинозы выходит в свет его «Этика».

1687 - Ньютон публикует «Принципы», вводя понятие гравитации.

1689 - Локк пишет «Опыты о человеческом разумении». Возникновение эмпиризма.

1710 - Беркли издает «Принципы человеческого познания», расширяя горизонты эмпиризма.

1716 — смерть Лейбница.

ВАЖНЫЕ ДАТЫ В ФИЛОСОФИИ

1739— 1740 — Юм публикует «Трактат о человеческой природе», доводя эмпиризм до его логического завершения.

1781 — Кант, разбуженный от «догматического сна» Юмом, пишет «Критику чистого разума»; начало великой эпохи немецкой метафизики.

1807 — выходит в свет произведение Гегеля «Феноменология духа», шедевр немецкой классической философии.

1818 — Шопенгауэр публикует работу «Мир как воля и представление», внося в немецкую метафизику элементы индийской философии.

1889 г. — провозгласивший смерть Бога Ницше теряет рассудок.

1921 — Витгенштейн пишет «Логико-философский трактат», в котором утверждает, что нашел «окончательное решение» проблем философии.

ВАЖНЫЕ ДАТЫ В ФИЛОСОФИИ

1920-е - Венский кружок разрабатывает учение логического позитивизма.

1927 — издается «Бытие и время» Хайдеггера, провозгласившего разрыв между аналитической и континентальной (европейской) философскими традициями.

1943 - Сартр публикует работу «Бытие и ничто», в которой развивает мысли Хайдеггера и кладет начало экзистенциализму.

1953 — посмертная публикация «Философских исследований» Витгенштейна. Расцвет эпохи лингвистического анализа.

Хронология жизни Канта

22 апреля 1724 — рождение Иммануила Канта в Кенигсберге, Восточная Пруссия.

1737 - умирает мать Канта.

1744 — Кант поступает в Кенигсбергский университет.

1746 - умирает отец Канта, он вынужден покинуть университет и жить частными уроками.

1755 - Кант наконец-то получает ученую степень в университете Кенигсберга.

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ КАНТА

1755 - Кант становится *приватдоцентом* (младшим преподавателем) в университете и читает лекции по математике, философии, антропологии и физической географии.

1770 — он принят на должность профессора логики и метафизики.

1781 — публикует «Критику чистого разума».

1788 - издает «Критику практического разума».

1790 - публикует «Критику способности суждения».

Октябрь 1803— в первый раз в жизни заболевает.

12 февраля 1804 — умирает, похоронен в соборе Кенигсберга.

Эпоха Канта

1739 - шотландский философ Давид Юм публикует «Трактат о человеческой природе»

1743 - рождение Томаса Джефферсона.

1750—1752 - Вольтер работает при дворе Фридриха II Прусского в Потсдаме.

1759 - основание Британского музея.

1762 - Руссо пишет «Эмиля», книгу, которая заставила Канта нарушить железное расписание и пропустить вечернюю прогулку.

ЭПОХА КАНТА

1770 — родился Гегель.

1774 - Гете издает «Страдания молодого Вертера».

1776 - Американская декларация независимости. Умер Давид Юм.

1778-Смерть Руссо.

1789 - революция во Франции. Джордж Вашингтон становится первым президентом США.

1799 — Наполеон становится первым консулом Франции.

1804 - Наполеон завоевывает Германию.

Об авторе

Пол Стретерн — автор лекций по философии и математике; живет и работает в Лондоне. Лауреат премии Сомерсета Моэма, он написал ряд книг по истории и путешествиям, а также пять новелл. Его статьи выходили в известных периодических изданиях, таких, как "Обсервер" (Лондон) и "Айриш таймс". Степень по философии он получил в Тринити колледж (Дублин).

Именной указатель

Аристотель 28,76

Вельнер 38

Гейне, Генрих 21

Герц, Маркус 23,24

Гомер 70

Домициан 69

Зедлиц, Джозеф фон 38

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ипохондрия 39, 44

Кант, Эндрю 7

Кайзерлинг, Германн Александр 11

Колридж, Самюэл Тейлор 29

Лампе 22, 37, 40, 42

Лейбниц, Готтфрид Вильгельм 15, 17, 77

Лилиенталь, Отто 71

Мендельсон, Моисей 34

Наблюдение за птицами 43

Ньютон, Исаак 15, 17, 40, 77

Пиетизм 9-11

«Прогулка философа» 21

Руссо, Жан-Жак, «Эмиль», «Элоиза» 16, 17,
22, 33, 83, 84

Сведенборг, Эммануэль 17, 18

сексуальное подавление 10

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Шарфштайн, Бен-Ами 8, 28, 43

Шопенгауэр, Артур 36, 78

Штирлинг, Дж. Г. 72, 73

Юм, Давид 5, 6, 16, 20, 21, 24, 26, 49, 50, 78,
83,84

Научно-популярное издание
Философы за 90 минут

Пол Стретерн
КАНТ ЗА 90 МИНУТ

Ответственный редактор *Л.Ф. Пирожкова*
Технический редактор *Т.П. Тимошина*
Корректор *И.Н. Мокина*
Компьютерная верстка *А.Л. Павловой*

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл,
ул. Кочетова, д. 28

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская обл., г. Балашиха, пр-т Ленина, 81

Наши электронные адреса: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

E-mail редакции: magistr@astrel.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП
«Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов